

Ричард Чизмар

ПРИ ВЫКЛЮЧЕННОМ СВЕТЕ

Был декабрь 1988 года: Джордж Буш только что победил Майкла Дукакиса на президентских выборах. Питчер Орэл Хершизер и «Лос-Анджелес Доджерс» разгромили «Окленд Эйс» в серии из пяти матчей и завоевали Кубок мира по бейсболу. Люди выстраивались в очереди перед кинотеатрами, чтобы посмотреть на Тома Круза и Дастина Хоффмана в «Человеке дождя». Список бестселлеров возглавляли «Кардинал Кремля» Тома Клэнси и «Королева проклятых» Энн Райс. Самыми заметными жанровыми произведениями года были «Молчание ягнят» Томаса Харриса и «Коко» Питера Страуба.

Мне было 22 года. И я решил издавать журнал «Кладбищенский танец».

В то время я учился на журналиста в университете Мэриленда и продавал мрачные рассказы любым изданиям, соглашавшимся их покупать. Некоторые из этих публикаций были достаточно профессиональными, многие — не слишком. И вот,

вдохновленный блестящим журналом «Хоррор шоу», издаваемым одним-единственным человеком, Дэвидом Силвой, я задал себе вопрос, из которого вытекали почти все мои безумные идеи: почему нет?

Почему бы не рискнуть и не начать выпускать журнал с прозой как маститых авторов, так и талантливых новичков?

Почему не начать издавать «темную» прозу разных жанров, которым я сам отдаю предпочтение как читатель: хоррор, саспенс, криминал?

Почему не помещать беллетристику вместе с интервью, обзорами и комментариями?

Почему не начать принимать у авторов рассказы в летние каникулы и не запланировать выход первого номера через полгода, в декабре?

Почему не придумать нечто по-настоящему особенное?

Мне как-то не приходило в голову, что я неопытен, не имею ни денег, ни бизнес-плана.

Мечтать дано смельчакам и глупцам. Трусам не до мечтаний.

Почему бы нет, черт возьми?

Я уже говорил, что мне было 22 года?

В первом номере «Кладбищенского танца» было всего 48 страниц. На них поместилась дюжина рассказов, дюжина стихотворений, интервью с Дэвидом Силвой. Обложку и иллюстрации сделал Билл Кафрон. Надо сказать, что с Биллом мы делили

комнату в студенческом общежитии, а до того, в детстве, дружили. Кроме него, я не знал никого, кто бы умел рисовать. Как сейчас помню, он рисовал иллюстрации на выбрасываемых лазерным принтером страницах с текстом. А обложку он придумал, сидя в нашей столовой, пока я метал дротики поверх его головы, каждые несколько минут придирчиво проверяя, как у него продвигается дело. Еще помню, как мы с Биллом нажали на кнопку PRINT в компьютерной лаборатории университета Мэриленда и выбежали из комнаты. Дело в том, что над принтером висела табличка, запрещающая печатать больше 10 страниц за один раз. В те времена лазерные принтеры были очень медлительными, поэтому, когда мы вернулись спустя час, чтобы забрать свои 96 страниц, другие студенты высказали нам все, что они о нас думали. Мы, — вот ведь умники, — напечатали сразу две копии.

Хотя в первом номере было всего 48 страниц, на него ушли тысячи часов кропотливой работы. Я сочинял и рассылал письма, читал, отвергал, кланчил рассказы, пытался продавать место для платных объявлений, платил за рекламу в других изданиях, чтобы таким способом собрать необходимые нам деньги, верстал страницы. Все делалось наугад. Если руководство и существовало, то только у меня в голове. Почти все зависело от инстин-

кта, воображения и увлеченности. Я учился на собственных ошибках.

На счастье, я мог надеяться на Дэйва Силву, помогавшего мне избегать некоторых ошибок; он отвечал на вопросы в любое время суток, был другом и наставником. Он подбадривал меня, верил в меня.

Вот только на каждый успех приходилось по неудаче. Порой даже по две-три. Но я все равно не поддавался сомнениям. Я наслаждался своей молодостью и верил в победу. Верил, что нащупал многообещающую жилу и просто обязан упорно ее разрабатывать, не теряя уверенности.

Первый номер вышел в назначенный срок, в декабре. Помнится, к тому времени у нас уже был готов материал для второго номера. Будущее проглядывало в виде рассказа Ричарда Мэтисона для третьего номера.

Для нас никогда не стояло вопроса, продолжать ли дальше.

Что нас ждет — успех или провал — тоже не вызывало сомнений.

С самого начала нас вела уверенность в своих силах.

Действительно, почему бы и нет?

Поняв, что близится 25-летие появления первого номера сборника, я почувствовал, что хочу чего-то еще: чего-то особенного, чтобы отметить годовщину и отпраздновать совместно проделанный дальний путь.

За эти 25 лет произошло много всякого: журнал перерос сначала в книгу в твердой обложке, а потом в массовый тираж в мягких обложках, породил комиксы, футболки с логотипами, электронные книги. И его развитие продолжается.

Реальная жизнь тоже не стояла на месте: женитьба, двое замечательных детишек, утрата старшей сестры, рак, снова рак годом позже, смерть моих родителей.

Иными словами, происходила ЖИЗНЬ.

А свидетелем ей продолжал быть «Кладбищенский танец».

Он был частью всего этого.

Книга, мое детище — у вас в руках.

В некотором смысле она — мой небольшой праздник, отложенный на 25 лет.

Книжка невелика, и это неспроста. Мне хотелось поместить в ней произведения той горстки авторов, которые, как я считаю, сделали возможным существование сегодняшнего «Кладбищенского танца» в не меньшей степени, чем я сам.

Не стану распространяться о каждом из них в отдельности. Они знают, почему здесь оказались.

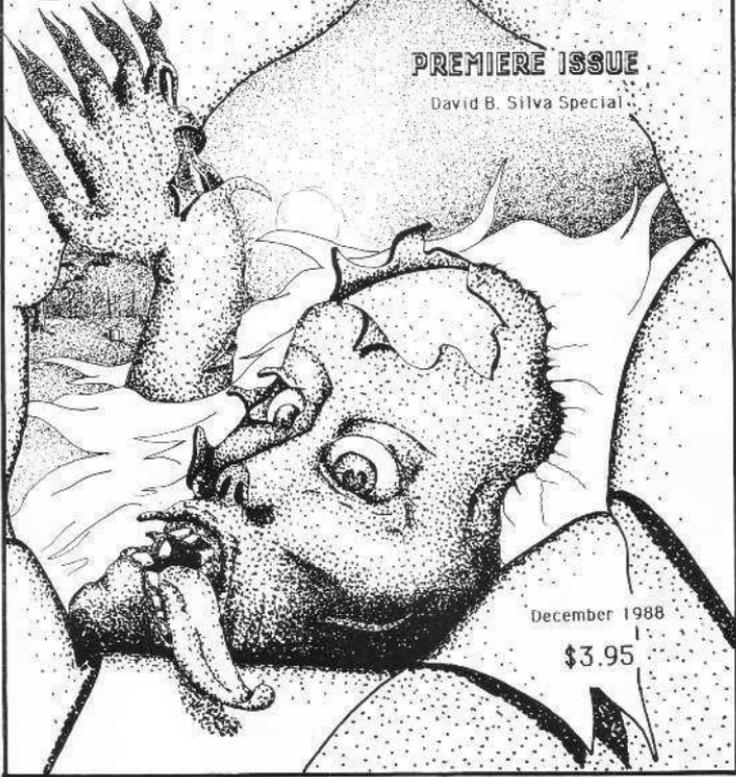
Кое-кто не смог принять участие из-за своего графика: я решил скомпоновать сборник всего две недели назад (а почему нет?), хотя все они говорили о своем желании внести свой вклад.

Увы, отсутствие некоторых имен вызывает скорбь. Хотелось бы мне, чтобы был жив и фигурировал на этих страницах Дэвид Силва. То же относится к Чарли Гранту, Рику Хотале и Биллу Реллингу. Все они поверили в меня в самом начале, и их вера значила очень многое.

Ныне, в декабре 2013 года, я испытываю чувство глубокой благодарности ко всем, кто вкладывал в журнал свой талант; к его замечательным постоянным сотрудникам и к тем, кто уделял ему часть своего времени; не говоря о чудесных читателях, подстегивающих нас в наших стремлениях. Единственный способ поблагодарить вас — продолжать делать то, чем я занимался последнюю четверть века. Надеюсь, этого хватит.

А теперь приглушите свет, переверните страницу, возьмите меня за руку и начнем танец...

CEMETERY DANCE

PREMIERE ISSUE

David B. Silva Special

December 1988

\$3.95

Стивен Кинг

ЛЕТНИЙ ГРОМ

Пока с Гэндальфом все было нормально, Робинсону тоже было нормально. Нормально, не в смысле «все хорошо», а в смысле «жить можно». Он до сих пор просыпался посреди ночи, и нередко в слезах, вырываясь из снов — таких ярких! — в которых Диана с Эллен были живы, но когда он брал Гэндальфа с одеяла в углу и укладывал к себе на кровать, обычно ему удавалось заснуть снова. Самому Гэндальфу было вообще все равно, где спать, и если Робинсон клал его рядом с собой, Гэндальф нисколько не противился. Ему было тепло, сухо и безопасно. Его спасли и приютили. И больше его ничто не волновало.

Теперь, когда рядом был кто-то — живая душа, нуждавшаяся в заботе, — стало как-то полегче. Робинсон съездил в универмаг в пяти милях от дома по шоссе 19 (Гэндальф сидел на переднем сиденье, уши торчком, глаза горят) и набрал упаковок собачьего корма. Магазин был заброшен и, конечно, разграблен, но никто не польстился на «Эуканубу».

После шестого июня людям стало не до домашних питомцев. Так рассудил Робинсон.

Больше они никуда не выезжали. Оставались в доме у озера. Еды было много: и в кладовой рядом с кухней, и в погребе. Робинсон часто шутил насчет запасливости Дианы, мол, она прямо готовится к апокалипсису, но в конечном итоге шутки обернулись против него самого. Против их обоих, на самом деле, потому что Диана уж точно не предполагала, что когда грянет апокалипсис, она окажется в Бостоне, куда она поехала вместе с дочерью узнавать насчет поступления в колледж Эмерсон. Запасов еды было столько, что ему одному хватит до конца жизни. Робинсон в этом не сомневался. Тимлин сказал, что все они обречены.

Если так, то обреченность была красивой. Погода стояла чудесная, солнечная и теплая. Раньше в летние месяцы озеро Покамтак гудело от рева моторных лодок и аквабайков (старожилы ворчали, что они губят рыбу), но этим летом на озере было тихо, если не принимать в расчет крики гагар... но и тех с каждым днем становилось все меньше и меньше, и их крики звучали все реже и реже. Сперва Робинсон думал, что это всего лишь игра его воображения, пораженного горем точно так же, как и все остальные детали его мыслительного аппарата, но Тимлин уверил его, что ему это не чудится. Все так и есть.

— Разве ты не заметил, что в лесу почти не осталось птиц? Гаички не щебечут по утрам, вороны не каркают в полдень. К сентябрю и гагар не останется. Вымрут, как те идиоты, которые все это сотворили. Рыбы продержатся чуть дольше, но в конечном итоге и они тоже погибнут. Как олени, кролики и бурундуки.

С этим, конечно же, не поспоришь. Робинсон видел у озера почти дюжину мертвых оленей и еще нескольких — у шоссе 19, когда они с Гэндальфом ездили в магазин, где раньше у входа висела реклама — ВЕРМОНТСКИЙ СЫР И СИРОП! ПОКУПАЕМ ЗДЕСЬ! — теперь же она валялась надписью вниз на пустующей автозаправке, где уже давно нет бензина. Но самый большой мор животных случился в лесу. Когда ветер дул с востока, в сторону озера, а не прочь от него, вонь стояла неимоверная. Теплая погода только усугубляла положение, и Робинсон однажды высказался в том смысле, что ядерной зимы что-то не видать.

— Еще придет, не беспокойся, — сказал Тимлин, сидя в своем кресле-качалке и глядя на пятнистый закат в кронах деревьев. — Земля еще поглощает удар. К тому же, из последних известий мы знаем, что южное полушарие — не говоря уж о большей части Азии — затянуто сплошной облачностью, и, возможно, уже навсегда. Наслаждайся безоблачным небом и солнцем, Питер. Радуйся, пока есть возможность.

Как будто его сейчас могло что-то радовать. Они с Дианой собирались поехать в Англию — их первый долгий совместный отпуск после свадебного путешествия, — когда Эллен поступит в университет.

Эллен, подумал он. Его дочь, которая только-только пришла в себя после разрыва с ее первым настоящим бойфрендом и снова начала улыбаться.

В это прекрасное постапокалиптическое лето Робинсон каждый день прикреплял поводок к ошейнику Гэндальфа (он понятия не имел, как звали пса до шестого июня; тот явился к нему в ошейнике, на котором висел только жетон о прививке, сделанной в штате Массачусетс), и они шли на прогулку: две мили до весьма недешевого пансионата, где сейчас остался один-единственный обитатель, Говард Тимлин.

Диана однажды назвала эту дорогу раем для ландшафтных фотографов. Большая ее часть проходила по обрывистому берегу озера, за которым, милях в сорока, виднелся Нью-Йорк. Там был один очень крутой поворот, рядом с которым даже поставили знак: **ВОДИТЕЛЬ, СЛЕДИ ЗА ДОРОГОЙ!** Разумеется, дети, приезжавшие сюда на лето, окрестили его Поворотом мертвеца.

«Лесные просторы» — до Конца света это был частный и весьма недешевый пансионат — располагались примерно в миле от поворота. В основном